

А.А. Сычев

К истокам этики юродства*

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет. Российская Федерация, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: sychevaa@mail.ru

В статье рассматриваются социокультурные истоки этики «юродства во Христе» как радикальной религиозно-философской формы преодоления зла. Автор акцентирует внимание на нравственной неоднозначности юродства, которая проявляется в противоречии между его высокими целями и сомнительными средствами их достижения – насмешками, скандалами и провокациями. Реконструкция основных культурных смыслов, характерных для практики юродства, осуществляется в ходе культурно-исторического анализа наиболее вероятных его источников – восточного мистицизма, деяний ветхозаветных пророков и некоторых концепций античной философии. Пренебрежение юродивых к общепринятым нормам и ценностям объясняется мистическим характером их деятельности, отрицанием показного благочестия и сознательным разрывом социальных связей, позволяющим свободно высказывать собственное мнение. Собственно юродство обосновывается в контексте христианских представлений о мудрости и морали, восходящих к текстам апостола Павла. В статье предлагается несколько взаимосвязанных попыток объяснить практику юродства с позиции христианской этики. Во-первых, юродство рассматривается как апофатическое представление религиозного нравственного идеала, т. е. удержание перед глазами окружающих типичных образцов неправильных поступков с целью вызвать отвращение к ним. Во-вторых, оно понимается как практика культурного обновления, противостоящая рутинизации моральных ценностей и норм в христианстве. В-третьих, юродство показано как попытка оказать влияние на деклассированные слои городского населения, отвергающие традиционные формы морализаторства. В-четвертых, юродство рассмотрено как специфическая форма мученичества в условиях господства христианских ценностей. Автор утверждает, что всей своей жизнью юродивые пытаются доказать, что святость – это не только безукоризненное соблюдение норм, но и отступления от них, а истинными святыми могут оказаться не самые благочестивые, а наиболее презираемые из тех, кто окружает нас.

Ключевые слова: юродство, святость, подвижничество, провокация, мистицизм, профетизм, кинизм, христианская этика

---

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта, осуществляемого при поддержке РФФИ, грант № 15–03–00059 «Провокация как конфликтогенная форма взаимодействия: социологическая, социополитическая и социоморальная интерпретации».

«Юродство во Христе» представляет собой радикальную практику противостояния злу, осуществляемую под видом безумия. Для него характерны крайний аскетизм и нарочитое самоуничижение, сопровождаемые презрением к материальным благам, общественным приличиям и мнению окружающих. Действия юродивого публичны и зрелищны. Они обладают ярко выраженным протестным пафосом и сопровождаются разного рода скандалами и провокациями.

Юродивый намеренно подчеркивает свою ненормальность – он обрягается в лохмотья или же вовсе не носит одежды, не отвечает на вопросы или говорит полную бессмыслицу, смеется без причины, совершает странные и нелепые с точки зрения окружающих действия. Многие его поступки не столько необычны, сколько намеренно провокационны: он пародирует церковную службу, разбивает иконы, нарушает пост, проводит время в трактирах и публичных домах, переворачивает столы торговцев, ругается, кощунствует и оскорбляет окружающих. **В то же время юродивый заступает за униженных, безбоязненно высказывая правду в лицо власти имущим, дает мудрые советы нуждающимся и втайне молится за возвращение оступившихся на праведный путь.**

Такая же парадоксальность проявляется в реакции окружающих на это поведение: с одной стороны, над юродивыми издеваются и смеются, их презирают и изгоняют из приличных мест; с другой – окружающие признают их моральное превосходство. Сильные мира опасаются их и прислушиваются к их словам, а народ считает юродивых святыми людьми, способными к мистическим прозрениям и пророчествам.

В описаниях юродства часто подчеркивается его нравственно неоднозначный характер, который проявляется в контрасте между высокими целями юродства и сомнительными средствами их достижения. Скандалы и дебоши, которые сопровождают всю жизнь юродивого, плохо вписываются в стандарты христианского, как, впрочем, и любого другого благочестия. Кроме того, юродивый – провокатор, а во всякой провокации имеется элемент манипуляции. Юродивый в некоторых случаях выглядит как тайный режиссер действия, манипулирующий актерами, не подозревающими о своих ролях.

Вопросы вызывают не только действия юродивого, но и то негативное воздействие, которое он оказывает на поведение других. Ожидаемой реакцией окружающих на его провокации является ответная агрессия – негодование, презрение, насилие. **В постоянном стремлении провоцировать подобного рода реакции Г.П. Федотов усматривает основную причину нравственной неоднозначности юродства: «Аскетическое подавление собственного тщеславия покупается ценою введения ближнего в соблазн и грех осуждения, а то и жестокости. ... Вот почему жизнь юродивого является постоянным качанием между актами нравственного спасения и актами безнравственного глумления над ними»¹.**

В системе ценностей современного общества многие поступки, описанные в житиях юродивых, представляются бессмысленными и жестокими, однако очевидно, что в то время, когда юродство переживало расцвет, в них прочитывались совершенно иные смыслы. Адекватное объяснение и обоснование этих поступков предполагает предварительное выявление тех культурных образцов, на основании которых сложился образ юродивого.

¹ Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. М., 2000. С. 164.

Мистик

Юродство возникло на азиатской окраине христианского мира. Основным очагом распространения юродства был регион Леванта: Исидора Юродивая подвизалась в египетском монастыре, Алексей, человек Божий, принял решение стать подвижником в Сирии, Симеон Эмесский был сирийцем, Андрей Цареградский – скифом. Наиболее ранние варианты жития юродивых написаны на сирийском языке, а само греческое слово *salos*, употреблявшееся для обозначения юродивого, имеет египетское происхождение².

Кроме этого, вполне можно говорить если не о генетической, то о типологической близости юродства к некоторым восточным мистическим практикам. Так, к принципиальным характеристикам поведения «безумных учителей» в тибетском тантризме относят нарушение общепринятых правил поведения; ношение экстравагантных одежд или наготу; неуважение к высокому социальному статусу; отказ от книжной мудрости в пользу практического опыта; обращение к устным рассказам и представлениям³. Те же характеристики с небольшими вариациями можно обнаружить в поведении адептов ряда сект даосизма, дзен-буддизма, индуизма, суфизма⁴.

Поведение, которое расходуется с представлениями о разумном и нормами морали, в восточных мистических учениях, как правило, оправдывается особым состоянием человека, достигшего святости. Он настолько отрешен от материального мира, что его не заботят ни общепринятые правила поведения, ни мнения о нем окружающих. **С высоты своего положения он с полным равнодушием относится к правилам приличия, власти, богатству, уважению.** «Безумный» мистик всеми своими действиями подчеркивает способность бесстрастно сносить любые унижения и демонстрирует редкое умение не поддаваться соблазнам, даже будучи окруженным ими.

Понимание поступков юродивых, несомненно, требует учета этой мистической составляющей. С.И. Гессен именно в ней видит ключ к расшифровке смысла (точнее, бессмысленности) их действий: «В юродивых, лишенных какого бы то ни было смысла и постольку стоящих вне культуры, как бы воплощается чистая мистика, становится осязаемой. Блуждая в мире откристаллизовавшихся ценностей, где все осмыслено и оформлено, юродивые являются как бы живыми воплощениями самой бесформенности, они как бы обнажены от всех составляющих культуру ценностей, отстали от них»⁵.

Мистик, переступая черту между профанным и сакральным, настолько отдален от мира, что из этой перспективы разница между добром и злом (как, впрочем, и любыми другими ценностными оппозициями) представляется ему несущественной. Мистический характер деятельности, таким образом, достаточно правдоподобно объясняет пренебрежение юродивого к общепринятым нормам и ценностям.

² См.: Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 40.

³ См.: Ardussi J., Epstein L. The Saintly Madman in Tibet // Himalayan Anthropology: The Indo-Tibetan Interface. The Hague, 1972. P. 327–338.

⁴ См.: Feuerstein G. Holy Madness. Spirituality, Crazy-Wise Teachers, and Enlightenment. Prescott, 2006.

⁵ Гессен С.И. Избранное. М., 2010. С. 439.

О напряженности в отношениях между мистикой и моралью специально писал А. Швейцер, утверждавший, что «по своему смыслу мистика остается и по сей день неполноценной, потому что она отрицает мир и жизнь и лишена этического содержания. Объясняется это тем, что ни процесс развития Вселенной, ни Первоначало Бытия не содержат в себе этический принцип. Познавая Вселенную, мы не обретаем этики. Но и этика не сочетается гармонически с познанием Вселенной»⁶.

На мироотрицающем фундаменте мистики может быть без внутренних противоречий выстроена лишь этика пассивного духовного самосовершенствования, чьи задачи подчинены целям непосредственного переживания единения с Абсолютом. Задачи эти являются сугубо личными: как правило, «чистые» мистики равнодушно относятся к социальным ценностям, их не заботят пороки и добродетели окружающих и тем более судьбы общества. Однако обращение к этике пассивного самосовершенствования не позволяет адекватно объяснить движущие силы поведения юродивого. Будучи глубоко мистичным, юродство все же не доходит до полного отрицания мира. В.В. Зеньковский вполне справедливо замечал по этому поводу: «Юродивые принимают на себя подвиг нарочитого безумия, чтобы достичь свободы от соблазнов мира – но в юродстве нет и тени презрения к миру или отвержения его»⁷.

Юродивый молится за других, пытается вернуть грешников на путь добродетели, изобличает пороки власть имущих. Иными словами, помимо пассивной, мироотрицающей составляющей в юродстве есть и активная, мироутверждающая сторона. А.М. Панченко говорит об этой двойственности юродства так: «Пассивная его часть, обращенная на себя, – это крайняя аскеза, самоуничтожение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти... Активная сторона юродства заключается в обязанности “ругаться миру”, обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия»⁸. Юродство, таким образом, одной мистикой не исчерпывается.

Мистика приобретает нравственное измерение, включаясь в систему религиозного или философского мировоззрения. В юродстве присутствуют элементы как первого, так и второго.

Пророк

Религиозные корни юродства уходят прежде всего в ветхозаветную литературу. Наиболее явные параллели провокационным поступкам юродивых обнаруживаются в действиях пророков, обличавших корыстолюбие, развращенность, цинизм и прочие социальные пороки и предсказывавших тяжелые последствия, которые ждут общество, если люди не прислушаются к их прорицаниям и откажутся встать на путь исправления. Деятельность пророков оказала серьезное влияние на развитие общества. Нравственное значение их деятельности для мировой цивилизации особо отмечал А. Тойнби, поместивший их в число немногих «величайших благодетелей нынешней генерации человечества... подаривших человечеству свет и благо»⁹.

⁶ Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей: Мистика и этика. М., 2002. С. 17.

⁷ Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Париж, 1948. С. 43.

⁸ Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 101.

⁹ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М., 2011. С. 100.

В книге пророка Осии говорится «Да узнает Израиль, что глуп прорицатель» (Ос. 9:7). Эти слова способны служить одним из ранних религиозных обоснований юродства: их можно трактовать в том смысле, что всякий пророческий дар предполагает некоторое безумие. Цели некоторых боговдохновенных действий пророков действительно сложно понять обычному человеку: Бог повелел Исаие ходить без одежды и обуви, Осии – взять в жены распутницу, Иезекилю – обрить свою голову и есть хлеб, испеченный на человечесьем кале, и т. д.

Для традиционного сознания странности в поведении прорицателя кажутся вполне объяснимыми. Окружающие видят в нем не человека, чьи действия можно объяснить при помощи человеческой логики, а орудие, через которое проявляет себя сверхъестественное существо (через ветхозаветных пророков высказывался Святой Дух). Поскольку не всегда возможно адекватно передать человеческими словами нечеловеческий смысл послания, пророк многозначительно молчит, выкрикивает слова на неизвестных языках, говорит невнятно или совершает странные поступки. Смысл всех этих действий нельзя объяснить, не выходя за узкие рамки привычного мышления. Столь же тщетой будет попытка оценить их в координатах общечеловеческой морали: то, что кажется нарушением правил, может быть несовершенной попыткой отображения высших ценностей.

В тех случаях, когда высказывания пророка по поводу нравственных вопросов выражены в более понятной форме, они, как правило, сводятся к подчеркиванию различий между божественной моралью и тем, что в обществе понимают под правильным поведением. Так, в книге пророка Исаии утверждается, что настоящая справедливость не сводится к молитвам, пожертвованиям и соблюдению правил внешнего приличия (как ошибочно считает большинство), но требует активных действий, выражающихся в реальной помощи окружающим. Бог говорит через пророка: «...когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови. Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (Ис. 1:15–17). В контексте такого противопоставления вполне можно объяснить не только странные действия пророков, но и оскорбительный, ругательный характер их речей: тем самым они демонстрируют свое полное пренебрежение к показному благочестию.

Кроме того, в намеренно оскорбительных по отношению к окружающим словах и поступках пророков можно обнаружить и практический смысл. Общество настолько прочно увязло в аморализме и беззаконии, что перестало серьезно воспринимать увещания моралистов. Оно отмахивается от надоедливых пророков, не желая выслушивать неприятные для себя слова. Тому, кто хочет привлечь внимание большинства, приходится совершать нечто из ряда вон выходящее, даже шокирующее. В этом случае эксцентричность поступков – следствие болезни не прорицателя, а общества, которое способно реагировать только на откровенно эпатажные действия.

Пророки пытаются противостоять своими действиями рутине и безразличию в обществе. Как по содержанию, так и по форме поступки их очень близки к юродским. А. Кузнецов специально указывает на духовную близость этих религиозных практик, полагая, что именно юродивые возродили и продолжили традиции пророков в условиях Средневековья: «Святые юродивые

ненормальностью своих действий вливали в погрязший в грубой чувственности дух современного им общества, подобно ветхозаветным пророкам, новую благодатную струю жизни духовной»¹⁰.

Однако, хотя в действиях некоторых пророков действительно можно усмотреть элементы юродства (так же, как некоторые поступки юродивых расценить в качестве пророческих), следует видеть и отличия юродивого от пророка. Кардинальное отличие состоит в том, что через юродивого не вещает Бог: он говорит собственным голосом. Юродство – это не только мистика и религия, но и философия, предполагающая способность свободного выражения своего мнения (а не мнения общества, Бога или церкви).

Философ

В философии мироощущение, в некоторых элементах совпадающее с юродским, было впервые в целостном виде представлено в позиции Демокрита, полагавшего, что весь мир как единое целое может быть объектом осмеяния. Согласно «Гиппократову роману», для лечения философа, одним из ярких проявлений безумия которого был смех над миром, жители Абдер пригласили Гиппократа. Врач поначалу усмотрел в этом смехе проявление безнравственности, указав, что существуют области, смех над которыми запрещен: «Или ты думаешь, что не безумно смеяться над мертвым, над болезнью, над сумасшествием... Для тебя нет различия между добром и злом!». В ответ Демокрит так объяснил причины своего смеха над миром: «Ты думаешь, что имеются две причины моего смеха: добро и зло; но на самом деле причиной моего смеха является только один предмет, именно человек, полный безрассудства, не совершающий правых дел, глупый во всех своих замыслах, страдающий без всякой пользы от безмерных трудов, человек, влекомый своими ненасытными желаниями...»¹¹. Перспектива, которую раскрывает философия, наглядно демонстрирует, что большая часть действий людей мелочна и бессмысленна, а та важность, которая этим действиям придается, и те усилия, которые прилагают люди в борьбе за иллюзорные блага, не могут не вызывать смеха. «Гиппократов роман» утверждает, что после всестороннего исследования пациента и беседы с ним Гиппократ не только объявил философа здоровым, но и признал мудрецом.

Смех юродивого имеет тот же по-философски широкий объект, что и смех Демокрита. Симеон Эмесский, проведя в пустыне несколько десятилетий, отправляется «поглумиться миру»: за его якобы безумными выходками прячется издевательство над миром, скрытое за нарочитой униженностью. Действия большей части юродивых (если те не были действительно умалишенными) оркеструются насмешкой человека, знающего больше других, над ограниченностью социального миропорядка.

Смех отличает юродивого от чистого мистика. Мистик, отрицая мир, испытывает к нему презрение или равнодушие. Юродивый, смеясь, не теряет связи с миром: истинный смех, говоря словами М.М. Бахтина, амбивалентен:

¹⁰ Кузнецов А. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование. СПб., 1913. С. 9.

¹¹ Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946. С. 353.

он «отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает»¹². Это важный корректив, который юродивый вносит в мистику: благодаря смеху она из запредельной абстракции или галлюцинации психически нездорового человека превращается в нечто живое и реальное.

По многим признакам юродство можно считать своеобразным развитием практической линии философствования, у истоков которой находится деятельность Сократа. Некоторые черты его философии – утверждение приоритета жизни перед теорией, пренебрежение книжной мудростью, предпочтение живого общения, провокационность, ироничность, критическое отношение к общественному мнению – в полной мере характерны и для мироощущения юродивых.

В сократовской философии предвосхищается идея о несовпадении внешнего и внутреннего, эстетического и нравственного, которая для юродства станет фундаментальной. В синкретичном мировосприятии мифа красота настолько тесно связывалась с добром, что всякое внешнее безобразие оказывалось под моральным подозрением. Способность Сократа видеть внутреннюю красоту за внешним фасадом, сущность за видимостью представлялась ученикам важной для понимания его идей. В платоновском «Пире» Алкивиад говорит о философе: «Да будет вам известно, что ему совершенно неважно, красив человек или нет, – вы даже не представляете себе, до какой степени это безразлично ему, – богат ли и обладает ли каким-нибудь другим преимуществом, которое превозносит толпа. Все эти ценности он ни во что не ставит, считая, что и мы сами – ничто, но он этого не говорит, нет, он всю свою жизнь морочит людей притворным самоуничижением»¹³.

Сократ и сам выглядел комично, и люди, поначалу не принимавшие его всерьез или относившиеся к нему предвзято, после близкого знакомства удивлялись тому, какое внутренне величие может быть скрыто за невзрачной внешностью и нарочитым самоуничижением. «Более всего, – рассуждает Алкивиад, – по-моему, он похож на тех силенов, какие бывают в мастерских ваятелей и которых художники изображают с какой-нибудь дудкой или флейтой в руках. Если раскрыть такого силену, то внутри у него оказываются изваяния богов...»¹⁴.

Большая часть сюжетов о юродивых выстроена на таком же контрасте внешнего и внутреннего: их комично выглядящие персонажи в реальности оказываются святыми: за эстетически безобразным скрывается нравственно прекрасное. Собственно «безобразие юродства... возможно лишь потому, что эстетический момент поглощен этикой»¹⁵. В этих сюжетах, помимо прочего, можно усмотреть некоторые проявления дидактичности – о людях нельзя судить по их виду или внешней активности. Невзрачные и безобразные, униженные и оскорбленные могут в реальности оказаться величайшими мудрецами и святыми.

Сократ считал своим долгом жалить общество подобно оводу, чтобы заставлять его двигаться вперед и становиться лучше. За то, чтобы выполнить этот долг до конца, он готов был пожертвовать жизнью. Юродивые жили в другую эпоху и выстраивали свое поведение на основании иных ценностей, но общая направленность их деятельности по духу совпадала с сократовской.

¹² Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 4 (2). М., 2010. С. 21.

¹³ Платон. Пир // Платон. Соч.: в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 127.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 103.

Не меньше параллелей можно обнаружить между юродством и кинизмом. По словам А.М. Панченко, «оба феномена, в сущности, близки в философском осмыслении жизни: и киники, и юродивый стремятся достичь духовной свободы, их цель – благо»¹⁶.

Юродивый, как и киник, не ожидает одобрения от других – он не соотносит свое поведение с желаниями окружающих и не особо заботится о его возможных последствиях. Совесть – единственный его нравственный компас: «Для того, чтобы жить по-божьи, следуя своей совести, нужно научиться не считаться с мнением других людей. Но, если я чувствую, что поступаю хорошо и встречаю одобрение других, это меня губит. Поэтому нужно быть нелепым, юродивым. В таком случае сознание других не сможет замутнить совесть, ибо добро показано в таких внешних формах, которые для других неприемлемы»¹⁷.

Внешние проявления кинизма и юродства если не полностью совпадают, то, во всяком случае, очень близки друг к другу: юродивые вели столь же аскетический образ жизни, как и их античные предшественники, сознательно и целенаправленно нарушали принятые в обществе нормы, активно использовали в своей подвижнической деятельности провокации и обличение. При этом аскетический образ жизни, осознанный выбор «наготы и одиночества» позволял и тем, и другим говорить правду в лицо окружающим – они ничего не имели, ни от кого не зависели и никого не боялись обидеть.

Три ипостаси юродивого – мистик, пророк и философ – существуют в единстве, но именно философская составляющая задает этому внутренне противоречивому образу целостность. Не все юродивые обличали и пророчествовали, в действиях многих из них не было ничего мистического. Но всеми своими словами и поступками юродивые постоянно ставили перед обществом моральные вопросы философского масштаба и провоцировали окружающих на самостоятельный поиск ответов на эти вопросы. Через них не говорил Бог или Абсолют, они не озвучивали официальную позицию церкви и не высказывались от имени традиции и коллектива. Юродивые всегда были интеллектуально независимы, их выбор был свободен, они представляли только самих себя и защищали то понимание правды, к которому пришли осознанно. Даже само их безумие было не «даром свыше», а результатом сознательного выбора. С этой точки зрения юродство является законным продолжением линии философствования, представленной Сократом и киниками. Более того, эта линия имела свое дальнейшее развитие: В.В. Зеньковский отмечает, что многие элементы юродства (радикализм, обличительность, стремление к высшей правде и т. д.), в свою очередь, оказали влияние на становление русской философии¹⁸.

Юродивый

Юродивый – это религиозный философ, ссылающийся своими действиями на Священное Писание. В то время как философ-теоретик предлагает к библейским текстам свои комментарии, юродивый иллюстрирует их живыми примерами.

¹⁶ Лихачев Д.С., Панченко А.М. Указ. соч. С. 103.

¹⁷ Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М., 2000. С. 260.

¹⁸ Зеньковский В.В. Указ. соч. С. 43–44.

Жизнь юродивого – это прежде всего развернутая иллюстрация к Первому посланию к Коринфянам апостола Павла. Именно здесь подчеркивается контраст между человеческой мудростью, которая с точки зрения Бога является безумием, и тем, что считается безумием, но в чем на самом деле воплощена божественная мудрость: «Никто не обольщай самого себя: если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3:18–19).

Христианство, утверждает Иоанн Златоуст, показало людям, что значит истинная мудрость: «им все и везде стали любознательными и способными ко всякой добродетели»¹⁹. В итоге, имея веру в качестве ориентира, по тому пути, по которому раньше могли пройти единицы (такие, как Сократ), могут пройти многие.

Павел пишет, что эллинам основы христианского вероучения кажутся безумием (1 Кор. 1:23). Для теоретического сознания, опирающегося на логику и разум, полным абсурдом кажется уже сама идея о жертве Христа ради искупления грехов человечества, не говоря уже о прочих догматах христианства. Для того чтобы быть в чем-либо убежденным, человеку античной культуры нужны рациональные доводы, представленные в виде строгой философской системы. Однако даже наличие самых сильных аргументов в пользу тех или иных поступков не обозначает, что эти поступки будут реально совершены. В то же время истинные христиане совершают нравственные подвиги в силу убеждения, не требуя рациональных подтверждений их правильности. Настоящие ценности сверхразумны и ненормальны с точки зрения здравого смысла (не случайно Тертуллиан объявит нелепость критерием веры, а С. Кьеркегор – ее движущей силой).

Христианина не останавливает то, что его убеждения кажутся окружающим безумными. Он не ищет для себя выгод и идет против общего мнения, выбирая себе жизнь, полную гонений, лишений, страданий: о его нравственном величии свидетельствуют не всеобщие слава и уважение, а неприятие и насмешки толпы. Пример этому – жизнь Христа, невинно пострадавшего за грехи человечества. Она показала, что правды следует ждать не от тех, кого почитают мудрецами, а от тех, кого унижают и считают сумасшедшими: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне» (1 Кор. 4:10–13).

Тем не менее, даже при явных отсылках к священному писанию, юродство остается нравственно неоднозначной практикой. Это не просто религиозно вдохновленная деятельность (подобная деятельности пророков), а нарочитая демонстрация своей безнравственности, «особый, парадоксальный вид духовного подвижничества, заключающийся в отречении от ума и добродетели (при полном внутреннем самосознании и душевной нравственной чистоте и целомудрии) и в добровольном принятии на себя образа безумного и нравственно падшего (безнравственного) человека»²⁰.

¹⁹ *Иоанн Златоуст. Творения: в 12 т. Т. 10. Ч. 1. СПб., 1904. С. 35.*

²⁰ *Назаров В.Н. Юродство // Этика. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 602.*

В рамках христианской этики можно предложить несколько вариантов объяснений явно безнравственного, провокационного и агрессивного поведения юродивого.

Прежде всего, юродство можно рассматривать как апофатическое представление религиозного нравственного идеала. С этой позиции цель юродивого – удерживать перед глазами окружающих типичные образцы неправильных поступков. Это как бы нравственный пример «наоборот»: в своих зрелищных действиях юродивые демонстрируют различные варианты отклонений от нормативного поведения: от нарочитой глупости до откровенного аморализма. При этом, добываясь презрения к себе, они одновременно добиваются отвращения и к этим поступкам. Н. Митропольский полагает, что в определенных ситуациях такой отрицательный способ морализаторства оказывается более действенным, чем традиционное воспитание на позитивных примерах: «Бывают такие времена нравственного упадка, когда положительные уроки нравственности мало имеют значения, когда люди из-за грехов не могут видеть всей прелести добродетели, когда, следовательно, требуется сначала отвращать их от пороков и научать любить добродетели не прямо, а посредством изображения всей гнусности грехов и страстей и посредством ярких картин порока»²¹.

Кроме того, ненормативные действия юродивых способствуют наполнению пространства религии жизненностью. Отсутствие перемен, бесконечные повторения одних и тех же действий рано или поздно приводят к ценностной деградации: эмоции и чувства тускнеют, а моральные нормы из божественных откровений превращаются в обыденность. Возмущения, которые юродивый вносит в привычный ход событий, способствуют тому, что эти нормы вновь становятся зримыми, наполняются жизнью. Юродивый способствует обновлению, а значит, и сохранению культуры, поэтому его безумства санкционированы традицией, а сам он находится под ее защитой. Показательно, что расцвет юродства наблюдается тогда, когда религия из развивающейся мысли превращается в собрание догм, а церковь идет на компромисс с мирской властью. В условиях господства абсолютизма, подавления свободы личности, чрезмерной регламентации и бюрократизации жизни в действиях юродивых воплощается запрос общества на реализацию свободы: «Когда пострадать за веру нельзя и религия рутинизируется, тогда трансцендентный смысл христианства начинает пересыхать, из него исчезает суть – концентрация духовных сил в ожидании конца света, который постепенно перестает восприниматься как грозная реальность. И вот тут появляется необходимость встряхнуть общество...»²².

Особенности поведения юродивого можно связывать не только с особенностями времени, в которое ему выпало жить, но и пространства, которое он сделал сценой своих представлений. Поскольку он не только стяжает личную святость, но и пытается спасти ближних, он вынужден постоянно искать публичности. В отличие от других аскетов, уходивших от мира в монастыри или пустыни, юродивый проводит свою жизнь на улицах больших городов с их шумом и многообразием. На фоне городской жизни, полной событий, поступки юродивого действительно должны были быть из ряда вон выхо-

²¹ Митропольский Н. Юродивая Домна Карповна. О подвиге юродства вообще. М., 1897. С. 5–6.

²² Иванов С.А. Византийское юродство. М., 1994. С. 187.

дьячками, иначе он не мог бы привлечь должного внимания к себе. При этом юродивый в полной мере должен был учитывать особенности тех, кого он желал спасти, – пьяниц, публичных женщин, воров, попрошаек, бесноватых и прочих отщепенцев и изгоев. Чтение проповеди или лекции по моральной философии посетителям кабака или публичного дома было обречено на неудачу. Такую аудиторию могли заинтересовать только скандалы и дебоши, и юродивый шел навстречу их желаниям.

Наконец, еще одной причиной нарочито безнравственного поведения юродивого можно считать его нежелание получать вознаграждение за свое подвижничество. По-настоящему праведные поступки должны совершаться втайне – только тогда можно быть полностью уверенным в том, что они совершаются исключительно по моральным мотивам, а не из-за желания получить вознаграждение в виде благодарности. Юродивый доводит эту линию рассуждений до предела. Он полагает, что нужно не только скрывать свою праведность, нужно еще всячески провоцировать окружающих на то, чтобы те считали его безнравственным человеком (так, Симеон, которого хозяин корчмы начал почитать за святого, сделал вид, что хочет соблазнить его жену). Идеал юродивого – заслужить осуждение за свою добродетельность.

На стремление юродивого к сокрытию своей святости можно посмотреть и в несколько ином контексте. Раннее христианство было ориентировано на сверхдолжное, на высокий подвиг. В первые века его развития подвигом было открытое признание своей веры, которое было чревато гонениями и нередко завершалось мученической смертью подвижника. Когда христианство стало государственной религией, открытость перестала быть вызовом и для того, чтобы навлечь на себя гонения и стать мучеником (с чем все еще продолжал ассоциироваться христианский подвиг), человеку нужно было делать нечто противоположное – нарушать религиозные нормы и скрывать хорошие поступки, оставаясь при этом добродетельным. Наконец, когда подвиг перестал ассоциироваться с мученичеством, а христианство – с подвигом, юродство как целостное явление сошло с исторической сцены.

* * *

Юродство – это уникальная форма христианского подвига, характерная для восточного христианства и достигшая наиболее зрелого своего выражения в России. Однако, как показывает анализ близких к нему явлений, каждая отдельная характеристика юродства имеет свой аналог в мистических, религиозных, философских практиках других культур и эпох. Наличие в поведении юродивого мистической составляющей позволяет предполагать, что аскетизм и равнодушие к правилам поведения являются следствием его отрешенности от материального мира и ценностей культуры. Но юродство не исчерпывается мистикой. Юродивый требует аудитории: он не только стремится к достижению личных целей, но также старается помочь другим (часто даже вопреки их желанию). Это позволяет видеть в юродстве пророческую составляющую, которая обуславливает провокационность его поступков и обличительность его речей. Однако если через пророков вещает Бог, то юродивый говорит соб-

ственным голосом. С этой точки зрения юродивый – это еще и практический философ-моралист. Наконец, присутствие в юродстве философской составляющей позволяет обосновать независимость юродивого от мнений общества или церкви, его способность «смеяться миру».

Собственно юродство является порождением христианской мысли. Указав на сверхразумность истинной мудрости и ее ненормальность с точки зрения здравого смысла, она продемонстрировала, что того, кто говорит истину, обычно встречают не уважение и слава, а злословие и насмешки. В рамках христианской этики провокационное и агрессивное поведение юродивого получает несколько вариантов объяснений, которые не исключают друг друга. Оно может рассматриваться как апофатическое представление нравственного идеала; инструмент предохранения религии от рутинизации и теоретизации; способ воздействия на представителей социальных низов; путь, позволяющий отказаться от славы и почестей как награды за добродетельное поведение.

Всей своей жизнью юродивые доказывали, что нелепое, нерациональное, безумное поведение имеет право на уважение, что в нем может быть больше смысла, чем в логических расчетах, осторожном благоразумии или абстрактных философских теориях. Юродство наглядно продемонстрировало, что святость – это не только правильность, безукоризненное соблюдение норм, безгрешность и способность служить примером для окружающих. В святости можно обнаружить отступления от норм, падения и взлеты, страдания и униженность, буйство и безумие, так что истинными святыми могут оказаться не те люди, которые отличаются известностью и благочестием, а те, которых повсеместно ненавидят и презирают.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 4 (2). М.: Яз. славян. культур, 2010. 752 с.
Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Яз. славян. культур, 2000. 800 с.
Гессен С.И. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 960 с.
Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1948. 469 с.
Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М.: Яз. славян. культур, 2005. 448 с.
Иоанн Златоуст. Творения: в 12 т. Т. 10. Ч. 1. СПб.: Изд-во СДА, 1904. 455 с.
Кузнецов А. Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование. СПб.: Изд. В.Д. Смирнова, 1913. 412 с.
Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 205 с.
Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты. Баку: Изд-во АН АзССР, 1946. 400 с.
Митропольский Н. Юродивая Домна Карповна. О подвиге юродства вообще. М.: Изд-во Е.И. Захарова, 1897. 20 с.
Назаров В.Н. Юродство // Этика. Энцикл. слов. М.: Гардарики, 2001. С. 602.
Платон. Пир // *Платон.* Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 81–134.
Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с.
Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 8. М.: Мартис, 2000. 268 с.
Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей: Мистика и этика. М.: Алетейя, 2002. 288 с.

Ardussi J., Epstein L. *The Sainly Madman in Tibet // Himalayan Anthropology: The Indo-Tibetan Interface*. The Hague: Mouton, 1972. P. 327–338.

Feuerstein G. *Holy Madness. Spirituality, Crazy-Wise Teachers, and Enlightenment*. Prescott: Hohm Press, 2006. 542 pp.

On the Sources of the Ethics of Holy Foolishness

Andrey Sychev

Higher Doctorate (*Habilitation*) in Philosophy, Professor, National Research Mordovia State University. 68 Bolshevitskaya Str., Saransk, 430005, Russian Federation; e-mail: sychevaa@mail.ru

The article deals with the socio-cultural origins of the ethics of holy foolishness as the radical religious and philosophical form of the overcoming of evil. The author focuses on the moral ambiguity of holy foolishness, which manifests itself in the contradiction between the appreciated goals and dubious means to achieve them – ridicule, scandals and provocations. Reconstruction of the main cultural meanings specific to the practices of holy foolishness is carried out in the course of cultural-historical analysis of its most probable sources – Eastern mysticism, Old Testament prophetism, and some concepts of ancient philosophy. The disregard of the holy fools to the generally accepted norms and values is explained by the mystical nature of their activities, the negation of ostentatious piety, and intentional rupture of social connections, allowing expressing their own opinions freely. The foolishness for Christ's sake is justified in the context of religious ideas about the wisdom and morality, dating back to the texts of St. Paul. The article offers several interrelated attempts to explain the practice of holy foolishness from the position of Christian ethics. Firstly, it is considered as the apophatic representation of religious moral ideal, or holding representative samples of wrong acts before the eyes of people to cause the aversion to them. Secondly, it is understood as the practice of cultural renewal, opposing the routinization of moral values and norms in Christianity. Thirdly, the holy foolishness is shown as an attempt to influence the lumpen strata of the urban population who reject traditional forms of moralizing. Fourth, the foolishness for Christ's sake is considered as a specific form of martyrdom in the conditions of the prevalence of Christian values. The author claims that all the life of holy fools is the attempt to prove that holiness is not only compliance with norms, but also departing from them, and the true saints may be not the most pious, but the most contemptible of those who are around us.

Keywords: holy foolishness, holiness, asceticism, provocation, mysticism, prophetism, Cynicism, Christian ethics

References

Ardussi, J. & Epstein, L. "The Sainly Madman in Tibet", in: *Himalayan Anthropology: The Indo-Tibetan Interface*. The Hague: Mouton, 1972, pp. 327–338.

Bahtin, M. M. *Sobranie sochinenii, 7 t.* [Collected Works, 7 vols.], Vol. 4(2). Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2010. 752 pp. (In Russian)

Bahtin, M. M. *Sobranie sochinenii, 7 t.* [Collected Works, 7 vols.], Vol. 2. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur, 2000. 800 pp. (In Russian)

Fedotov, G. P. *Sobranie sochinenii, 12 t.* [Collected Works, 7 vols.], Vol. 8. Moscow: Martis, 2000. 268 pp. (In Russian)

Feuerstein, G. *Holy Madness. Spirituality, Crazy-Wise Teachers, and Enlightenment*. Prescott: Hohm Press, 2006. 542 pp.

- Gessen, S. I. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 960 pp. (In Russian)
- Ivanov, S. A. *Blazhennye pohaby: Kul'turnaja istorija jurodstva* [Holy fools: Cultural History of iurodstvo]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2005. 448 pp. (In Russian)
- Ioann Zlatoust. *Tvorenija, 12 t.* [Works, 12 vols.], Vol. 10, part 1. St. Petersburg: SDA Publ., 1904. 1. 455 pp. (In Russian)
- Kuznecov, A. *Jurodstvo i stolpnichestvo. Religiozno-psihologicheskoe issledovanie* [Holy foolishnesses and stylitism: religious and philosophical investigation]. St. Petersburg: V. D. Smirnov Publ., 1913. 412 pp. (In Russian)
- Lihachev, D. S. & Panchenko, A. M. "Smehovoj mir" *Drevnej Rusi* [The World of Laughter in Ancient Rus']. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 205 pp. (In Russian)
- Makovel'skij, A. O. *Drevnegrecheskie atomisty* [Ancient Greek Atomists]. Baku: Izd-vo AN AzSSR, 1946. 400 pp. (In Russian)
- Mitropol'skij, N. Jurodivaja Domna Karpovna. *O podvige jurodstva voobshhe* [Holy Fool Domna Karpovna. About Holy Foolishness in General]. Moscow: E. I. Zaharov Publ., 1897. 20 pp. (In Russian)
- Nazarov, V. N. "Jurodstvo" [Holy Foolishness], in: *Etika. Jenciklopedicheskij slovar'* [Ethics: The Encyclopedia]. Moscow: Gardariki, 2001, p. 602. (In Russian)
- Platon. "Pir" [Symposium], in: Platon, *Sochinenija, 4 t.* [Works, 4 vols.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1993, pp. 81–134. (In Russian)
- Shvejcer, A. *Mirovozzrenie indijskih myslitelej: Mistika i jetika* [Indian Thought: Mystics and Ethics]. Moscow: Aletejja, 2002. 288 pp. (In Russian)
- Tojnbi, A. J. *Civilizacija pered sudom istorii. Mir i Zapad* [Civilization on Trial. The World and the West]. Moscow: ACT, Astrel'; Vladimir: VKT, 2011. 318 pp. (In Russian)
- Zen'kovskij, V. V. *Istorija russkoj filosofii, 2 t.* [History of Russian Philosophy, 2 vols.], Vol. 1. Parizh: YMCA-Press, 1948. 469 pp. (In Russian)